

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И ПОДХОДЫ

Очевидно, что глобализация вызвала к жизни совсем не те процессы, которые предопределяли строители «Нового мирового порядка». Эйфория, царившая на Западе по поводу распада СССР и социалистического лагеря, расцвета «всеобщей демократизации» в настоящее время сменилась разочарованием, страхом перед терроризмом, настороженностью по отношению к перспективам этой самой глобализации. Рост влияния правых партий, проповедующих национализм, отдельные этнические группы даже в сердце демократической Европы становятся изгоями, на картах появляются самопровозглашенные государства. Процесс глобализации и одновременное с ним столкновение региональных и локальных цивилизаций и культур определяют в качестве одной из главнейших задач современности поиск точек соприкосновения в этом противоречии.

В таких условиях в постмодернистском мышлении происходят попытки отказа от прежних подходов к решению проблемы «свой-чужой», поиск новых методологических подходов и новых источников. Вслед за М. Вебером, Т. Парсонсом, Ю. Хабермасом исследователей все больше интересует девиантное поведение, которое в ряде случаев рассматривается как серьезная угроза стабильности социальной системы [1]. С позиций синергетической парадигмы девиантное действие является следствием бифуркации, возникающей на уровне общества, группы и индивида. В бифуркационный период возникает многообразие форм девиантного действия, причиной которого может стать недовольство индивида социальной структурой, господствующей культурой и собственным достигнутым статусом. Этничность как один из параметров взаимодействия в обществе выявляется в таком случае как мощный катализатор социальных и политических изменений. В нестабильной ситуации значимость этнического «Я» существенно повышается, а в период социальной устойчивости как бы «замирает», уступая свое место сугубо социальным характеристикам.

Многие исследователи рассматривают отклоняющееся поведение только в индивидуальном измерении. Между тем девиация в гораздо большей степени носит социальный характер. Ведь совершая какое-то девиантное действие или поступок, человек опирается на поддержку какой-либо референтной группы людей. Даже если девиация мнимая или иллюзорная, она все же находит групповую поддержку и одобрение. В любом случае индивид хотя бы предположительно рассчитывает на согласие и одобрение некоторой части своего социального окружения. Даже большинство людей не поддержат его поступок, обязательно найдутся

те, в чьих глазах девиантное действие будет носить позитивный характер, заслуживающее одобрения, уважения и поощрения. Таковыми, к примеру, могут быть представители различных этнических групп, которые в каждой конкретной стране тяготеют к определенному объединению. Ведь чувство принадлежности к той или иной группе нужно человеку как форма, через которую реализуется необходимая ему социальная комфортность и которая используется им для достижения определенных социальных целей. Несмотря на дискусионность понятия «диаспора», количество исследований в этом направлении существенно выросло. Появились исследования подобного рода и в Беларуси [2].

В связи с ростом внимания общества к фактору девиантного поведения все более распространяются микроисторические подходы в исследовании этносоциальных процессов. Изменяется и комплекс источников. Все более популярными среди исследователей становятся те сведения, которые длительное время существовали в устной форме. Действительно, люди в большей степени воспринимают некие типичные истории, нежели обобщенные материалы и цифры, описывающие макроисторические процессы. Они возникают по причинам, которые коренятся в обучении с раннего детства, в погружении в культуру, а возможно, и в структуру мыслительного аппарата. В таких историях действует небольшое число людей, руководствуясь своими мотивами, взаимодействуют внутри ограниченного и случайного времени и пространства. Типичные истории оказывают большое эмоциональное и поучительное воздействие. В результате даже тот, кто стремится аналитически объяснить социальные процессы, чтобы дать их понятное, жизненное объяснение, вынужден транслировать материал большей частью в качестве типичных историй.

Типичные истории особенно интересны тем, что именно в них продолжают жить этнические стереотипы, по ряду причин цивилизационного (идеологического) фактора исчезнувшие с поля макроистории. Такие этнические стереотипы формируются на основе шкалы ценностей, принятых в сфере данного народа, через призму традиций и культуры, сложившихся в процессе ее жизнедеятельности. Вместе с тем методика сбора и анализа подобного рода материалов по-прежнему несовершенна. Чаще всего исследователи предлагают собственные подходы, в результате их выводы являются мало сопоставимыми. Очевидно, в таком случае минимально должны отмечаться как обстоятельства фиксации, так и способы ее (вопросы, методика, технические средства), а также определенная информация об авторе.

Традиция как социальная форма выражения общего закона преемственности обладает устойчивостью, которая позволяет аккумулировать культурный опыт, осуществлять его передачу, а динамичность способствует обогащению, взаимодействию традиций с другими явлениями общественной жизни. Формируясь на протяжении многих веков, традиция вбирает в себя весь накопленный исторический опыт, всю мудрость народа, является связующей нитью между прошлым и настоящим. Традиционное общество белорусской деревни не испытало в полной степени кардинальной трансформации, через которую прошла Западная Европа (включая разрушение общинных отношений). Судьба белорусского крестьянства — это во многом судьба белорусского этноса. Ряд черт белорусского крестьянства сложился исторически, на протяжении столетий. Ежегодная обработка крохотных наделов неплодородной почвы, высокая степень угнетения, необходимость на протяжении жизни одного поколения иногда по несколько раз восстанавливать разоренное в результате военных действий хозяйство определили такие психологические черты белорусского крестьянства, как долготерпение, привычка к тяжелому рутинному труду.

Не следует забывать и о том, что территория Великого княжества Литовского и Беларуси, в частности, стала родиной для многих народов. Издавна здесь проживали татары и евреи, поляки и русские. Длительное проживание вместе народов с разной культурой, традициями и верой также способствовало воспитанию у белорусов такого качества, как толерантность. Крестьяне отчетливо осознавали: они — непохожие, «другие», но «свои». Отличие ощущалось

скорее даже как социальное, а не этническое. В то время вне черты оседлости, где евреи были приезжими, они воспринимались как чужаки. Традиции толерантности по отношению к девиантному поведению, к малочисленным этническим группам сохранялись в среде крестьянства Беларуси и в XX в.

Очевидно, что при изучении этносоциальных процессов необходимо сочетать как макро-, так и микроисторические подходы, использовать весь комплекс источников. Именно это, к примеру, позволило автору объяснить, почему в условиях, когда новая экономическая политика создавала условия для частного интереса, количество коллективных хозяйств по статистике уверенно возрастало. Доля лиц еврейской национальности в составе сельского населения БССР в 1920-е гг. являлась незначительной. 83,6 % евреев в Белоруссии проживало в городах. Однако количество еврейских колхозов в республике в середине 1920-х гг. было довольно значительным. Развитие экономики республики в условиях новой экономической политики привело к значительной имущественной дифференциации, к разорению отдельных ремесленников и кустарей.

Образовалась особая категория еврейского населения, обозначаемая в источниках данного периода как «лица без определенных занятий», которая жила исключительно за счет денежных переводов из США [3, л. 3]. Заявляя о принципе равноправия всех национальностей, Президиум ЦИК Белорусской ССР в июле 1924 г. принял постановление и создал Особую комиссию по землеустройству трудящихся евреев [4, л. 1]. К 1 октября 1925 г. в республике было создано 1 мелиоративное товарищество, 4 поселка и 86 артелей. Новые землепользования возникали на месте ликвидированных артелей и коммун, приписных совхозов, а также на землях запасного и лесного фонда [5, л. 35]. В то же время численность всех коллективных хозяйств по БССР в период с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1926 г. увеличилась незначительно: с 392 до 414 (по другим данным — 433).

Таким образом, указанный рост обеспечивался преимущественно за счет организации еврейских артелей. На протяжении 1925/26 хозяйственного года число белорусских колхозов сократилось с 287 до 235, а еврейских — увеличилось со 127 до 145 [6, л. 31]. Если учесть, что белорусское население в 1920-е гг., в подавляющем большинстве, было сельским, еврейское же, наоборот, преимущественно проживало в городах, то уменьшение удельного веса белорусов в составе членов коллективных хозяйств предполагало и сокращение доли лиц, занимавшихся ранее сельским хозяйством. Из числа землеустроенного еврейского населения в течение 1924/25 г. земледельцев в прошлом было 40,5 %, рабочих — 2,6 %, кустарей — 23,5 %, извозчиков — 5,4 %, других трудящихся — 13,7 %, торговцев и прочих — 14,3 % [5, л. 35].

Даже в конце 1920-х гг. в округах, образовавшихся на основе территории БССР в границах до 1924 г., рост численности коллективных хозяйств происходил преимущественно за счет образования еврейских коллективов. В Минском округе на 1 июня 1928 г. они составляли 42 % от общего количества колхозов [7, с. 56]. В 1927/28 г. увеличился рост еврейских артелей и в других округах. Например, в Бобруйском округе в этом году их было образовано 15, в то время как в течение предыдущего — лишь 3 коллектива [8, с. 20]. В Витебском округе численный состав еврейских колхозов только за два месяца вырос на 45 %, преимущественно за счет бывших торговцев. Причиной такого быстрого роста еврейских артелей явилось общее ухудшение положения местечек. Об этом, например, свидетельствует заключение комиссии, обследовавшей состояние еврейских коллективных хозяйств Витебского округа: «Некоторое усиление налогового обложения частной торговли создало условия, при которых часть мелких торговцев закрыла свои предприятия и пошла в колхозы» [9, л. 19, 36].

В целом к 1 октября 1928 г. было организовано 243 национальных колхоза, в том числе 227 еврейских, 12 польских, 2 латышских, цыганский и китайский коллективы [10, с. 3]. Последние 2 колхоза были образованы в Витебском округе. Китайская артель «Марковичи» была организована в Николаевском сельсовете в центре бывшего имения членом КП(б)Б Чжан

Ван Фу. Вначале в коллектив объединились 7 китайских семей, всего 30 человек. Так как земли имелось в колхозе лишь 17 га (2 га пахоты, 5 га луга, 8 га сада и 2 га леса), при наличии в составе членов хороших садоводов и огородников на общем собрании было решено избрать соответствующее производственное направление. Начав в тяжелых условиях, китайская артель уже в первые годы показала пример настоящего хозяйствования. Однако ряд реорганизаций, проведенных в период массовой коллективизации, привел ее к развалу [11, л. 21].

Анализ значительного количества источников позволяет сделать вывод о том, что белорусы сохранили традиции толерантности. Отношение к национальным коллективам характеризовалось терпимостью и даже сочувствием. Но в ряде случаев проявлялся типичный для крестьянина практицизм, его понимание собственности: она должна всегда кому-то принадлежать, иметь хозяина. Если члены коллектива достигали хороших результатов, крестьяне их уважали. Если же хозяйство велось небрежно, крестьяне добивались раздела земли, занятой под колхозом, занимались самовольными покосами лугов, потравками полей и т. д.

Важнейшим источником для изучения этносоциальной динамики белорусского общества в межвоенный период остается демографическая статистика. Проведенные за последнее десятилетие исследования показывают, что изучение демографических переписей может дать не только подтверждение уже сделанным выводам, но и продемонстрировать новые, еще не исследованные аспекты. При использовании статистических данных следует помнить о специфике данного вида источников. Историки получают материалы переписей уже в обработанном виде статистических таблиц. Каждая перепись при формировании подчиняется определенным задачам статистики. Эта цель и задачи выявляются в программах переписей и инструкциях к ним. Это предполагает необходимость глубокого источниковедческого анализа формирования не только данных переписей, но и методик их проведения.

Основные динамические процессы можно проследить при сопоставлении нескольких переписей. Но для того, чтобы оно было конкретным, необходимо выяснить степень сопоставимости результатов переписей, сравнимость их вопросов. Недостаточно просто сравнить наличие вопросов во всех переписях. Часто даже одинаково сформулированные вопросы оказываются несопоставимы из-за несоответствия инструкционных указаний, следуя которым собирается материал. Сравнение материала без сопоставления программы и инструкций некорректно и приводит к ошибочным результатам. Между тем исследователи зачастую используют материалы переписей без анализа формирования источника. Кроме того, ряд авторов, несмотря на то, что данные источники являются взаимодополняющими, а не взаимоисключающими, проводят подробный анализ программ переписей, но не сопоставляет их.

В 1920—1930-е гг. в Беларуси были проведены (как республике в составе СССР) три переписи. Оценки их не всегда являлись постоянными. Исключение, пожалуй, составляет Всесоюзная перепись, прошедшая 17 декабря 1926 г., которую вплоть до настоящего времени называют самой демократичной. Перепись была тщательно подготовлена, проведена и детально разработана, а ее итоги подробно опубликованы [12; 13; 14; 15; 16].

В то же время, как отмечает ряд исследователей, нет общепризнанного критического анализа результатов переписи 1926 г., и чаще всего ее данными пользовались и пользуются без всяких поправок. Например, в советской литературе вопрос о недоучете переписью 1926 г. всего населения или отдельных возрастных групп не поднимался. Отдельные исследователи только сглаживали кривую возрастной смертности, не проводя выравнивания возрастной структуры, которая несла в себе явные следы аккумуляции, или видели свою задачу лишь в устранении аккумуляции в возрастах, кратных 5 и 10.

Известно, что итоги второй по счету Всесоюзной переписи населения 1937 г. были объявлены дефектными, ни одна цифра не увидела света, а ее организаторы были подвергнуты репрессиям. И уже на этом основании многие исследователи стали рассматривать перепись 1937 г. как наиболее полную, всестороннюю и подготовленную. Действительно, было

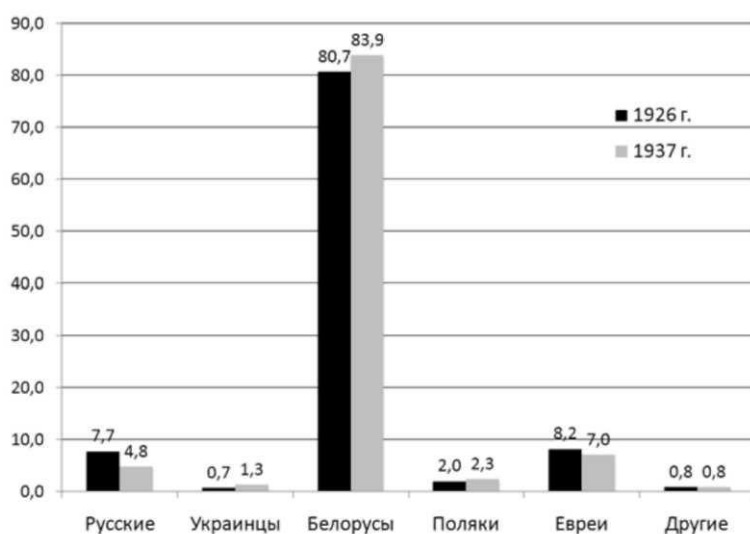
4

сделано немало для того, чтобы перепись 1937 г. прошла успешно: уточнены и согласованы с руководством страны формулировки переписного листа, продуманы основные этапы проведения, к ее проведению привлечены все специалисты, участвовавшие в организации переписи 1926 г.

Публикации материалов переписи 1937 г. на рубеже XX и XXI вв. дают возможность, пусть по ограниченному перечню пунктов, сопоставить сведения о движении населения, в том числе по БССР. В частности, сопоставляя данные по родному языку, можно заметить увеличение доли лиц, определивших в качестве родного белорусский язык, и некоторое увеличение лиц с польским языком. Это очевидно не укладывается в сложившиеся в постперестроечные годы стереотипы о начале тотальной русификации в Белорусской ССР с 1933 г. (диагр. 1).

Диаграмма 1

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ (по родному языку) 1926 г. и 1937 г. (в %)

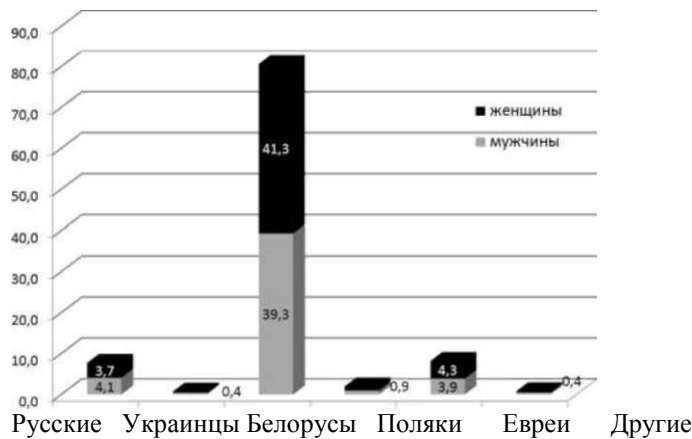
Следует подчеркнуть, что в окончательных вариантах переписных листов в 1926 г. содержалось 15 вопросов, а с подвопросами — 23; в 1937 г. — 14 (подвопросов не было). Все вопросы подразделялись на следующие крупные группы: пол и возраст, народность (национальность) и родной язык; семейное положение, гражданство, занятие, положение в занятии и отрасль труда. Проведенное В. Б. Жиромской, И. Н. Киселевым и Ю. А. Поляковым сравнение переписных листов переписей показало однако, что перепись 1926 г. более схожа в переписных листах с переписью 1939 г., нежели с переписью 1937 г. [17]. И если окончательный вариант переписного листа 1937 г. чуть ли не лично полностью отредактировал И. В. Сталин, то в 1939 г. руководство уже не столь навязчиво вмешивалось в программу переписи. Возможно, именно по этой причине она получилась богаче и разнообразнее, чем в 1937 г. Для учета населения по национальностям в 1926 г. составлялся «Перечень и словарь народностей» [18], в котором учитывались как самостоятельные даже малочисленные этнические группы.

В 1937 и 1939 гг. такие словари учитывали только основные национальности. В учете этнического принципа и состоит, на наш взгляд, главная ценность Всесоюзной переписи 1926 г. как источника по истории Беларуси. Сформированная на основе переписи база данных позволяет представить гендерную структуру по этническим группам (родному языку), ситуацию с рас-

4

пределением русского, еврейского и польского населения, структуру населения по профессиональным группам, занятости рабочих, занятости хозяев по отраслям (диагр. 2).

ГЕНДЕРНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ (по родному языку) 1926 г.

Согласно переписи 1926 г. почти 84 % (4 075 856 чел.) жителей БССР, родившихся в границах СССР, проживали в сельских местностях. При этом лишь от 0,5 % до 2 % белорусов, русских и поляков, родившихся в городах, переехали в село, среди евреев по указанным выше причинам таковых было почти 10,5 %. В то же время наибольший отток сельских жителей наблюдается среди русского населения (38 %), а наименьший — среди евреев (11,7 %). Количество белорусов и поляков, переехавших в города, находится на уровне 22—25 %. Наибольший отток из села среди мужчин прослеживается у половины рассматриваемых народностей: русские — почти 49 %, белорусы — 29 %. Среди населения, прибывшего в города из сельских населенных пунктов, наибольшую долю составляют рабочие в сельском хозяйстве (38 %, или 480 чел.), служащие (35 %) и рабочие железнодорожного транспорта (34 %).

Имеются основания допустить, что выход из деревни в город приходится на период конца 1920-х — первую половину 1930-х гг. 29 апреля 1928 г. было принято новое Положение о сельхозналоге, в соответствии с которым полностью привлекались к налогообложению мелкий скот и доходы от кустарно-ремесленных и других неземледельческих заработков. В условиях Беларуси это ударило по бюджету малоимущей части среднего крестьянства. Кроме того, согласно статье 28 Положения для кулацких хозяйств устанавливалось определение дохода не в нормативном, а в индивидуальном порядке. К октябрю 1928 г. выявились нарушения в осуществлении указанного Положения, и наибольшее число их было допущено в области индивидуального налогообложения. Недоучет особенностей развития сельскохозяйственного производства в Беларуси привел к тому, что к кулацким была отнесена и значительная часть середняцких хозяйств. В целях исправления ошибок осенью 1928 г. по распоряжению союзного правительства проводилась кампания по пересмотру обложения. Ее итоги оказались наиболее значительными для БССР, где было освобождено от индивидуального налогообложения 62,5 % подвергшихся обложению крестьянских хозяйств (по СССР — 48,0 %) [19, с. IX]. С начала 1930-х гг. усилился административный нажим на крестьянство. Существуют серьезные свидетельства того, что в годы первой пятилетки подавляющее большинство переселенцев состояло из одиночников, предпочитавших выход из деревни членству в колхозе.

Безусловно, перепись 1939 г. содержит некоторое завышение численности населения. И если в целом этот процент по СССР был довольно невысоким, то в западной части СССР он мог достигать по отдельным регионам 7—8 %. В Беларуси это было связано прежде всего с репрессиями в отношении крестьянства, точнее стремлением скрыть факты подобного рода. Только согласно секретному решению комиссии СНК БССР от 3 февраля 1930 г. выселялось из Беларуси 12 000 семей зажиточных крестьян [20, л. 95]. Разработка базы данных переписи 1926 г. по БССР создает новые возможности для уточнения этносоциальной динамики белорусского общества в межвоенный период, для новых выводов и новых подходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс / под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М. : Академический проект, 2002. 832 с.

2. Стурейко, С. А. Афганистан: этнополитический конфликт и проблема перемещенных лиц / С. А. Стурейко. Минск : Тесей, 2009. 264 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 701 (Комиссия по осуществлению национальной политики при ЦИК БССР). Оп. 1. Д. 29.
4. НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 3.
5. НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 48.
6. НАРБ. Ф. 334 (Белорусский центральный союз сельскохозяйственных и кредитных кооперативов, Белсельсоюз). Оп. 1. Д. 609.
7. Лук'янчык, А. Увага калгаснаму будаўніцтву / А. Лук'янчык // Бальшавік Беларусі. 1928. № 8.
8. Справаздача аб дзейнасці Бабруйскага Акруговага Выканаўчага Камітэта за 1926/27—1928/29 гг. Бабруйск, 1929.
9. НАРБ. Ф. 338 (Белорусский центральный союз сельскохозяйственных коллективов). Оп. 1. Д. 1.
10. Белсельсоюз. Справаздача за 1927/1928 апэрацыйны год. Менск : Б. в., 1929.
11. НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 11.
12. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Крат. сводки / Центр. стат. упр. СССР, Отд. переписи. М. : Изд. ЦСУ СССР, 1928.
13. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Вып. 5: Возраст и грамотность. Европейская часть РСФСР. Белорусская ССР. 61, [1] с.
14. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 10: Белорусская Советская Социалистическая Республика: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. 289 с., 1 л. схем.
15. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 27: Белорусская Советская Социалистическая Республика: Занятия. 155, [1] с. алф. указ.
16. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 44: Белорусская Советская Социалистическая Республика : Семейн. сост. Место рождения и продолжительность проживания. Увечные и психические больные. 203 с.
17. Жиромская, В. Б. Полвека под грифом секретно: Всесоюзная перепись населения 1937 года / В. Б. Жиромская, И. Н. Киселев, Ю. А. Поляков. М. : Наука, 1996. 152 с.
18. Перечень и словарь народностей. М. : Б. и., 1927.
19. Сельское хозяйство Союза ССР в 1928/29 году, по данным налоговых сводок по единому сельхозналогу. М. : НКФ СССР. 1931.
20. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 36.

SUMMARY

The article covers the ethno and social dynamic problems of the Belarusian society in the period between the 1st and the 2nd World War. The basic directions of historiography and the questions of the methodology, new historical source and the research methods are examined. Traditions of tolerance and the population census in the Belarusian society in the 20-30th of the 20th century are analyzed in detail.

Статья поступила в редакцию 7 мая 2009 г